

А.С.ПУШКИН И М.Ю.ЛЕРМОНТОВ: К ВОПРОСУ ОБ ЭТАПАХ ОСВОЕНИЯ ВОСТОЧНОЙ ТЕМАТИКИ В РУССКОЙ РОМАНТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Интерес к Востоку в русской литературе был многообразным и питался различными источниками. Корни романтического ориентализма учёные в основном рассматривают с двух позиций: 1. Непосредственное знакомство русских поэтов и писателей с Востоком, его историей, укладом жизни людей, обычаями, нравами и традициями; 2. Обращение к жизненным реалиям Востока через мировоззрение западного человека, базируясь на переводной литературе, а также культуре и искусстве в целом. Два названных пути, безусловно, повлияли на творчество многих талантливых русских писателей первой половины XIX века.

Оригинальное восприятие Востока и его конкретной формы – Кавказа десятилетиями ранее отразилось в творчестве М.В.Ломоносова, Г.Р.Державина, затем В.А.Жуковского. Далее линия романтического ориентализма прослеживается через творчество Пушкина и Лермонтова. В плеяде великих художников своё веское слово о Востоке сказали также А.И. Подолинский, И.И.Козлов, А.А.Бестужев-Марлинский, О.И. Сенковский, А.И.Полежаев, В.Г.Тепляков, А.А.Якубович, П.А.Катенин, Д.Ю.Струйский и некоторые другие. Но главную эстафету пушкинского гения в полном объёме продолжил и развил только М.Ю.Лермонтов.

Указывая на эту генетическую связь, В.М.Жирмунский подчёркивал: «... наиболее ярко особенности романтического ориентализма сказались в творчестве Пушкина и Лермонтова. Причём, влиянию А.С.Пушкина следует приписать многочисленные попытки того времени отыскать в пределах России живописный этнографический фон для нового типа романтических поэм» [2, с. 293].

Это замечание известного учёного-литературоведа полностью относится к работам Лермонтова в том направлении, в каком оно указано в заголовке настоящей статьи. Во-первых, благодаря пушкинским поэмам в Лермонтовских поэтических образцах того же жанра укоренилась следующая весьма важная ориентальная тенденция: экзотическая обстановка сквозного действия, предполагающая возвышенный тон и романтическую

---

¹⁰⁵ Нахичеванский государственный университет

окраску повествования. Во-вторых, в ряде стихотворений и поэм Лермонтова плавно и органично слились объективная и субъективная стороны восприятия Востока.

В чём же это конкретно проявилось? Некоторые из вышеперечисленных современников Пушкина и Лермонтова порою задавались локальной целью: искусственно стилизовать свои сочинения под Восток. Однако в таких случаях внешняя форма выражения мысли, как правило, была на высоте, но содержание страдало тем, что терялось его остросовременное звучание. Лермонтов легко изжил в себе такого рода недостатки. Сближаясь с рядом мотивов лирики Пушкина, его стихотворения и поэмы не исчерпывались выражением личностного начала, а стилизация уступала место освещению Востока, главным образом, в чертах его местного своеобразия, религиозно-философского мирозерцания, нередко базировавшегося на фольклорном материале. Тем самым субъективная сторона восприятия Востока, нашедшая своё языковое выражение в восточных стилизованных клише, соединилась с объективной, как способом проникновения во внутренний мир личности, быт, уклад жизни и т.п.

Г.А.Гуковский писал: «А.С.Пушкин чаще всего не столько намекает, сколько конкретно показывает психику, быт, то есть саму жизнь и сами условия этой жизни. Таким образом, психика становится у Пушкина одним из главнейших выводов, вытекающих из данных условий жизни. Здесь субъективное начало строго подчиняется в его восточной лирике объективному, не растворяясь в нём» [1, с. 288]. Аналогичным отношением к реалиям восточного быта пронизаны восточные темы и мотивы в сочинениях Лермонтова.

В-третьих, в произведениях Лермонтова западно-восточный синтез идей занял не меньшее место, чем в лирике Пушкина. В своеобразном споре между Западом и Востоком у Пушкина и Лермонтова нравственная победа человека над стихией природы или чуждыми мусульманской вере людьми остаётся не за грубой физической силой и фатализмом, но за проявлением чистых чувств, свободной воли и страсти. Эти качества характера восточных народностей в поэзии Пушкина и Лермонтова ясно противопоставляются равнодушию и чёрствости.

А.С.Пушкин, не имеющий равных предшественников в жанре русской байронической поэмы, связанной с инонациональным сюжетом, проложил пути для дальнейшей разработки восточных тем, мотивов и образов в романтическом ориентализме 1820-1840-х годов. Однозначно можно утверждать, что романтические поэмы Пушкина остались вершинными творениями в русской литературе, причём как с точки зрения романтической эстетики, так и в плане глубинного осмысления все возможных восточных тем.

Итак, выше отмечены наиболее общие черты восточной лирики Пушкина и Лермонтова, вкратце указано на пути трансформации восточных тем и мотивов. Ставится такой вопрос: в чём же видится индивидуальное художественное своеобразие осмысления романтического ориентализма в творчестве М.Ю.Лермонтова?

Учитывая глубокое пушкинское проникновение в психологию героев и умение объективно отразить различные нюансы исследуемого характера, Лермонтов поднял романтический ориентализм на качественно новый уровень. Прежде всего, оттенить следующую автобиографическую деталь: если Пушкина к серьёзному изучению этнографии нашего края заметно подтолкнули события, происходящие с ним в период Южной ссылки, то Лермонтова мир Востока интересовал ещё с юности. И потому вполне справедливо будет выделить кавказскую тему в его творчестве как генетическую черту. Кавказ воспринимался им как край вольности святой. За его хребтом он мечтал отыскать новый мир. В то же время, углубляясь в мир народов Кавказа, Лермонтов, в отличие от Пушкина, не мог одновременно отступить от просветительского подхода к этому краю. Для Пушкина идея просветительства не была доминирующей в той степени, как её поднимали на щит в конце XVIII столетия сторонники концепции «просвещённого разума». Просветительство как ведущая мысль в поэтических произведениях с восточной доминантной, на наш взгляд, для Пушкина была, прежде всего, связана со свободомыслием, то есть разумной политизацией темы Востока. Уже в середине 1820-х годов Пушкин усомнился в некоторых программных установках декабристов с их расхожими правилами и нормами отвлечённого морализаторства. А у Лермонтова, напротив, Восток был особенно силен своими традициями филологического - ориентализма, которые заметно ощущаются в его раннем творчестве.

Так, в стихотворении «Кавказу» (1830) он последовательно воплощает лучшие традиции декабристов, видевших в сражающемся Кавказе символ вольности и свободы народов, правда, в весьма несложной и умозрительной форме.

Кавказ! Далёкая страна!

Жилище вольности простой [3, т. 2, с. 171.].

Однако самой стойкой и временем проверенной чертой большого художника всегда являлась эволюция его взглядов. В настоящем случае уже молодой Лермонтов видит, что европейская цивилизация, которую несёт Кавказу Россия, подобна оковам, так как рушит многочисленные прежние устои и несёт погибель для свободы.

Чуть позже Лермонтов напишет:

Нет! Прошлых лет не ожидай,

Черкес, в отечество своё:

Свободе прежде милый край

Приметно гибнет для неё [3, т. 2, с. 172].

Так что, постепенно отходя от субъективизма филологической ориенталисткой мысли, получившей, кстати сказать, в XVIII-XIX веках немалое признание, Лермонтов объективно начинает воспринимать Кавказ в свете обновлённой ориентальной традиции. Более того, преемственность в использовании восточных тем и мотивов, закрепившиеся в начале XIX века в теоретических канонах, в русской романтической лирике к 1830-ым годам преодолевалась. Существенная роль в этом процессе, бесспорно, принадлежала М.Ю.Лермонтову.

Это конкретно проявлялось, прежде всего, в трансформации тем и некоторых стилистических приёмов, использованных Пушкиным в его романтических поэмах. Общеизвестен факт особого увлечения Пушкиным творчеством Байрона, точнее, его поэмами. Творения Байрона на первых порах как бы стимулировали структурную организацию русской поэмы, которая под пером Пушкина из сугубо «деятельной», «героической» постепенно превращалась в лирическую повесть. Не мудрено, что Пушкин обращался к подобной архитектонике как к источнику. Но, в отличие от любовной интриги, буквально пронизывающей тексты байроновских сочинений («Дон Жуан» и другие), он наполнил восточную поэму богатым описательным и историческим материалом одновременно. Так что следует откровенно признать, что после Пушкина в области романтической поэмы могли быть сделаны лишь небольшие изменения структурного характера. В целом и общем жанр восточной поэмы к началу 1830-х годов сложился. И Лермонтов не создаёт принципиально нового жанра, однако реально усиливает лирическую напряжённость романтических поэм. Как фиксирует Б.М.Эйхенбаум, «Лермонтову предстояла серьёзная задача изменить сам характер стиха и его стиля, и в этих поисках, надо сказать, он постепенно отходит от романического ориентализма Пушкина, приближаясь к лирике Жуковского и его последователей» [6, с. 161].

Действительно, М.Ю.Лермонтов, определённо отходя от ориентальных интересов Пушкина, одно время пристрастился к стилистической окраске балладного творчества Жуковского. Пушкинская героика в целом осталась, но стиховой размер и особенность построения баллады привнесли в романтический ориентализм Лермонтова иную тональность. При освоении восточной тематики его жанровые поиски идут от лирики к поэме, от поэмы – к драме, а от неё уже к повести и роману. В отношении ориентального творчества Пушкина эта цепочка выглядит иным образом, а именно: от Южных поэм к лирике. Романа в прозе, как известно, Пушкин вообще не создал; в «Дубровском» и «Повестях Белкина», равно как и «Евгении Онегине», восточные мотивы отсутствуют. Вместе с тем этапы освоения Востока в творчестве двух великих поэтов ясно обнаруживают тяготение к фольклору, как особой стилистической разновидности в романтическом ориентализме 1830-х годов.

Упомянутый Б.М.Эйхенбаум, характеризуя последующий послепушкинский этап для Лермонтова, утверждает: «Время кризиса, то есть ломки традиций к началу 1830-х годов ещё не пришло – нужно было, по крайней мере, после Пушкина расширить собственный литературный кругозор, увидеть чужое с той целью, что лучше осознать своё».

Весьма принципиальный момент, на наш взгляд, в переходном периоде освоения восточной тематики от Пушкина до Лермонтова. Эта дихотомия важна для осознания понятия сопричастности двух поэтов к Востоку в их индивидуальном восприятии. То есть, «мой Восток» Лермонтова и «мой Восток» Пушкина весьма различны, но их объединяет нечто, что создает в читательском восприятии ясную уверенность в существовании сверхъестественных сил, довлеющих над волею человека. По всей видимости, авторы исходят из общего мифопоэтического представления о Востоке и каждым произведением дополняют комплекс его значений, усиливают его амбивалентность и одновременно пытаются ее преодолеть. Правда, это удается далеко не всегда, более того, преодоление противоречий не составляет всеобщую тенденцию, поскольку эта структурная противоречивость – явно диалектического характера. Она выступает обязательным элементом, без которого нет целостности мифопоэтического образа Востока. Можно сказать, и так: осмысляя иное пространство, Пушкин и Лермонтов мысленно представляли культуру Востока «своим», конструируя образ, в котором «своё» и «чужое» переплетаются в таком неуловимом узоре, что порой невозможно в точности маркировать элементы по принадлежности к той или иной системе. В годы жизни творчества Пушкина и Лермонтова этого в критической литературе, конечно, не афишировалось, да и вообще не было особенно заметным. Это уже в наши дни многие русские литературоведы справедливо считают, что главной задачей поэтов в ориентальной тематике оставалось создание такого образа, который мог бы стать своеобразным механизмом межкультурного взаимодействия.

Под углом зрения возможности создания такого рода межкультурного диалога многие учёные анализируют сегодня ориентальную проблематику Лермонтова, а именно его десять восточных поэм. «Ангел смерти», «Аул Бас-тунджи», «Беглец», «Демон», «Джюлио», «Мцыри», «Измаил-Бей», «Кавказский пленник», «Каллы» и «Хаджи-Абрек». Все эти поэмы глубоко индивидуальны, отличаются идейным и тематическим своеобразием. Но есть определенная разница между ними и Южными поэмами Пушкина. Потому повсеместно и отмечается западно-восточный синтез в работах последнего, так как поэт всегда тяготел к творческой манере письма Дж.Г.Байрона. У Лермонтова прямой зависимости от западного ориентализма не наблюдается. Напротив, большинство характерных черт личности его персонажей, как правило, не подчиняется принципу вышеуказанной антиномии («своё» / «чужое»). Это как бы веками укоренившиеся черты восточных людей с их мировосприятием и народными традициями. Вот почему главными героями всех его десяти поэм представлены типичные люди Востока. Это даже в известном смысле становится своего рода средоточием фатализма, так как все психологические мотивации Лермонтова выводятся только из восточного типа культуры.

В некоторых романтических поэмах Лермонтова проявились такие типично восточные черты характера личности, как превосходство мужчины над женщиной, глубокая и неискоренимая вера в Аллаха, мотивы сохранения родовой чести (возможно, от пушкинского - «Береги честь смолоду») и кровной мести, проклятие за вероотступничество, предательство и трусость. Указанные черты, синтезируясь в поэмах Лермонтова, в которых восточному типу личности предавалось первостепенное значение, создавали также и неповторимое национальное своеобразие русской романтической поэмы с ориентальным сюжетом. Этот тот случай, когда категория национального в романтическом ориентализме Лермонтова приобретала общечеловеческое звучание.

Примечательно, что образ главной героини лермонтовских поэм –восточной девушки или женщины, также синтезирован автором из традиций западноевропейской и восточной поэтики. Например, при описании портрета Заремы («Измаил-Бей») использована показательная восточная антитеза «день» - «ночь». Крайне богата эта поэма словами с цветообозначениями, широко применяемыми восточными поэтами, а также в русской романтической литературе вообще. Лилейное чело Заремы оттеняется здесь чёрными, как смоль, волосами («Вокруг лилейного чела» / Ты косу дважды обвела). Чёрные косы, как две змеи, обвивают её стройный стан:

Нежна – как пери молодая,
Создание земли и рая

.....
Стояла Зара у огня!

Её головка

Платком прилежно обвита;

Из-под него до груди нежной

Две косы тёмные небрежно

Бегут... [3, т. 3 с. 232].

Прелестный лик молодой лезгинки сочетается в ней с богатым духовным миром, что всегда выделялось Лермонтовым как подлинная черта характера восточных людей. Воспитанная в традициях гор, восточная женщина виртуозно владеет кинжалом. Об этом говорит в поэме Пленнику Черкешенка, пробирается в келью Марии с кинжалом Зарема, переодевшись Селимом. Зара может беззаветно любить и вместе с тем безмерно ненавидеть. Так, не вполне приемлемы мотивы поведения старой матери, которая прогнала от порога дома собственного сына, бежавшего с поля боя и не отмстившего за отца и братьев. Она также отвернула хладный взор от бездыханного тела изменника-сына, кровь из раны которого лизали бродячие псы. Великолепно трактуется Лермонтовым психология матери: «... ты отмстил? Ты раб и трус, и мне не сын». В этих словах не просто дань романтической условности, а, прежде всего рецидивы восточной психологии, исповедующей неотвратимость и необходимость кровной мести. Тем самым в поведении главных героинь сочетаются типично романтические портреты и психологические особенности женщины Востока.

Завершить статью по трем причинам эффектно разбором образа лермонтовского Печорина. Во-первых, «Герой нашего времени» в составе ориентальной литературы следует считать явлением уникальным. Ведь даже Пушкин создал только роман в стихах, в котором, как было отмечено, восточные мотивы не доминируют. Во-вторых, здесь передано необычное волевое начало Печорина, характер которого словно выкован от соприкосновения с людьми инородной для него культуры. В-третьих, в нём, как покажем ниже, парадоксально переплелись черты европейского и восточного мировосприятия.

С целью доказательства выведенных нами трёх пунктов, обратимся к одному из определений О. Шпенглера. Известный учёный своеобразие западной культуры и европейского мироощущения выводил именно из волевого начала человека. Определяя тип человека Запада как выраженное мятежное «фаустовское» начало, исследователь устанавливал психологический тип гётевского героя как «душу мятежную», стремящуюся преодолеть мир земной волею своей. По его мнению, «взор фаустовского человека на мир предстаёт как совокупное движение к некоей цели. Жить для прототипа такого человека, - утверждает Шпенглер, - значит, бороться, преодолевать и добиваться...» [5, с. 526]. Вслед за О.Шпенглером русский учёный А.А.Радугин также утверждал: «Такой душевно-смысловой тип и лежит в основе всей европейской культуры» [4, с. 28]. В то же время мы по ходу настоящей статьи могли убедиться, что в русском человеке (во всяком случае, как его описывали Пушкин и Лермонтов) цельно и органично воссоединились черты европейского и восточного мировидения. Особенно ярко такой тип человека воплотился именно в романе Лермонтова «Герой нашего времени» в лице Печорина. Роман, завершённый за год до смерти автора, достойно венчает его ориентальное романтическое-реалистическое творчество.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Гуковский Г.А. Пушкин и русские романтики. Москва: Художественная литература, 1965, 356 с.
2. Жирмунский В.М. Пушкин и Байрон. Ленинград: Наука, 1978, 424 с.
3. Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений. В 14-ти томах. Москва: Художественная литература, 1974-1976, 5010 с.
4. Радугин А.А. Культурология. Москва: Центр, 1997, 304 с.
5. Шпенглер О. Закат Европы. Москва: Просвещение, 1993, т. 1, 339 с.
6. Эйхенбаум Б.М. О литературе. Работы разных лет. Москва: Советский писатель, 1987, 541 с.

Ключевые слова: романтический ориентализм, восточный уклад жизни, жизненные реалии, переводная литература, восприятие Востока

Açar sözlər: romantik oriyentalizm, şərq həyat tərz, həyatı reallıqlar, tərcümə olunmuş ədəbiyyat, şərq alqılama
Key words: romantic orientalism, eastern way of life, vital realities, translated literature, perception of the East

A.S.Puşkin və M.Y.Lermontov: rus romantik ədəbiyyatında şərq mövzusunun mənimsənilməsi mərhələləri
Xülasə

Rusiyada Bayron şeirinin janrında bərabər sələfləri olmayan Puşkin, fərqli bir hekayə ilə 1820-1840-cı illərin romantik şərqşünaslığında şərq mövzularının, motivlərinin və obrazlarının daha da inkişaf etdirilməsinə yol açmışdı.

Birmənalı şəkildə qeyd edilə bilər ki, Puşkinin romantik poemaları rus ədəbiyyatının ən yüksək əsərlərindən sayılır: həm romantik estetik baxımından, həm də bütün şərq mövzularının dərin anlaşılması baxımından.

Lermontovda Qərbə birbaşa asılılıq yoxdur. Əksinə, onun personajlarının xarakterik şəxsiyyət xüsusiyyətlərinin əksəriyyəti, bir qayda olaraq, "öz" / "yad" antinomiya prinsipinə tabe olmur. Bunlar, sanki, əsrlər boyu kök salmış Şərq xalqının dünyagörüşü və xalq adət-ənənələri ilə xüsusiyyətləridir. Ona görə də onun bütün on şeirinin əsas personajları tipik Şərq adamlarıdır.

**A.S.Pushkin and M.Y.Lermontov: on the issue of the stages of development eastern themes
in russian romantic literature**

Summary

A.S. Pushkin, who has no equal predecessors in the genre of the Russian Byronic poem associated with a foreign story, paved the way for the further development of oriental themes, motifs and images in the romantic Orientalism of the 1820s-1940s.

It can be unequivocally asserted that Pushkin's romantic poems remained the top creatures in Russian literature, both from the point of view of romantic aesthetics and in terms of deep comprehension of all possible eastern themes.

Lermontov has no direct dependence on the West. On the contrary, most of the characteristic personality traits of his characters, as a rule, do not follow the principle of "own" / "foreign" antinomy. It is as if these are the features of the worldview and folk traditions of the people of the East, which have been rooted for centuries. Therefore, the main characters of all ten of his poems are typical Oriental people.

RƏYÇİ: dos.L.Ələkbərova

Dil və Ədəbiyyat: Beynəlxalq elmi-nəzəri jurnal №1(118).- S.40-414.